
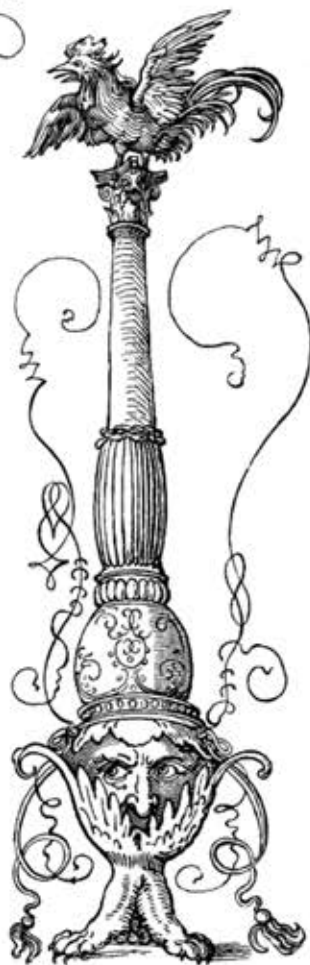

Сказки и
фантазии
английских
писателей

*Главный редактор серии
Д.и.И. Ермолович*

Уильям Пилберт

ЧАРОДЕЙ
ИЗ
ГОРНОГО ЗАМКА

*Перевод с английского
Дмитрия Ермоловича*

*Цветные иллюстрации
Юрия Богачёва*

и Джима Джереми

Москва

AUDITORIA

УДК 82-34
ББК 84(4Вл)-45
Г 47

William Gilbert
THE WIZARD OF THE MOUNTAIN
London: Strahan and Co., 1867

Перевод с английского
Дмитрия Ермоловича
Иллюстрации
Юрия Богачёва и Джима Джереми

Редакторы
В. Д. Смирнов, В. И. Ермолович, А. А. Гайдаков

Гилберт, Уильям

Г-47 Чародей из горного замка / Перевод с англ., предисловие и примечания Д. И. Ермоловича; илл. Ю. Н. Богачёва и Дж. Джереми. — М.: Аудитория, 2018. — 300 с.+16 с. на цв. вкл. — (Сказки и фантазии английских писателей).
ISBN 978-5-9907943-5-1

Произведение написано в редком жанре «литературного венка» из исторических сказок и погружает читателя в атмосферу Италии на рубеже средневековья и эпохи Возрождения. Фантастические истории, каждая из которых обладает своим сюжетом, вплетены в единую увлекательную фабулу.

Книга одного из классиков жанра фэнтези, вышедшая 150 лет назад, впервые публикуется в переводе на русский язык и впервые проиллюстрирована. Предназначена для широкой аудитории взрослых и юных читателей, начиная с возраста 14 лет.

УДК 82-34
ББК 84(4Вл)-45

ISBN 978-5-9907943-5-1

© Изд. «Аудитория», 2017–2018 г.
© Ермолович Д. И., 2017 — перевод на русский язык, предисловие, примечания
© Богачёв Ю. Н., 2017 — иллюстрации
© Джим Джереми, 2017 — иллюстрации; обложка; оформление
Подробные сведения о правообладателях приведены на с. 298

В оформлении контртитла использован рисунок Альбрехта Дюрера

Воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения данного произведения (полностью или частично), включая иллюстрации, любым способом, в том числе путем перевода в электронные файлы и открытия доступа к таким файлам через телекоммуникационные сети и каналы связи, без договора с правообладателем запрещается и преследуется в соответствии с 4-й частью Гражданского кодекса РФ и Законом РФ №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с учетом изменений, внесенных в него Законом №364-ФЗ.

Об этой книге и её авторе

КНИГА «Чародей из горного замка», которую вы держите в руках, впервые приходит к нашему читателю: на русском языке она никогда прежде не издавалась. И совершенно незаслуженно: эта книга отличается не только увлекательным сюжетом и литературным мастерством автора, но и редчайшей жанровой формой: это так называемый венок сказок, да не простых, а исторических. С одной стороны, в книге собраны истории, каждая из которых имеет свой сюжет и является вполне самостоятельным и законченным произведением. С другой стороны, все сказки объединены не только временем и пространством действия, но и некоторыми общими персонажами, а самый главный герой — загадочный астролог из горного замка, известный окружающим как Инноминато, — участвует в сюжете каждой сказки и чем дальше, тем больше заинтриговывает читателя своей тайной, которая раскрывается лишь в самом конце. Так что книгу вполне можно считать и сказочным романом.

Эта книга унесёт читателя во времена, неизменно будоражащие воображение, — рубеж средневековья и эпохи Возрождения — и в не менее пленительные места: альпийские предгорья Северной Италии, живописнейшие окрестности озера Комо, Милан, Венецию... Даже мелкие реки, города и селения, названные в книге, абсолютно реальны и существуют до сих пор. Не случайно на форзацах этой книги мы напечатали карты, на которых постарались все их отметить.

Писатель, столь интересно и с таким знанием географии и истории сочинивший эти замечательные сказки, — англичанин Уильям Гилберт (1804–1890), неординарный человек с непростой судьбой. Его родители умерли от туберкулёза, когда мальчику было всего семь лет, и его вместе с братом и сестрой взяли на воспитание тётка и её муж. С четырнадцати лет Уильям прослужил три года мичманом в Ост-Индской компании, затем четыре года прожил в Италии (вот откуда его знание итальянских реалий). Вернувшись в Англию, он выучился на врача-хирурга.

Первая жена Уильяма Гилберта умерла через два года замужества; от второй жены — Анны Моррис — у него родился сын Уильям Швенк Гилберт, в будущем драматург-либреттист, ставший знаменитым благодаря многочисленным комическим операм (опереттам), созданным в сотрудничестве с композитором Артуром Салливаном (словосочетание «Гилберт и Салливан» стало в английском языке нарицательным обозначением творческого дуэта).

Уильям Гилберт-старший выступил в качестве писателя уже во второй половине своей жизни. Первым его венком сказок стала книга «Волшебное зеркало», вышедшая в 1866 году. Кстати, графические иллюстрации к ней сделал его сын Уильям. (Русский перевод «Волшебного зеркала» издательство «Аудитория» выпустило одновременно с настоящим изданием.)

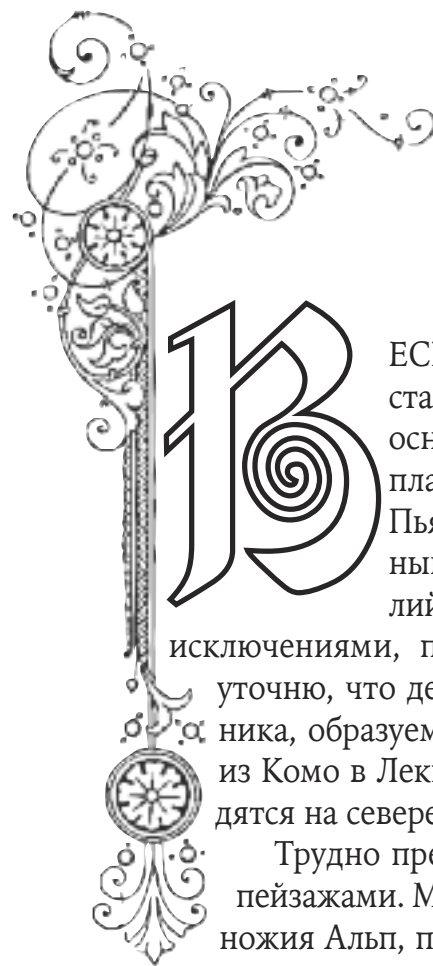
Гилберт публиковал статьи и рассказы в многочисленных лондонских журналах, нередко анонимно. Среди этих публикаций были и рассказы об Инноминато, которые он затем объединил и издал отдельной книгой, «Чародей из горного замка», в 1867 году.

В дальнейшем Уильям Гилберт обращался к самым разным жанрам. В своих романах и эссе он активно поднимал социальные и этические темы. Но, пожалуй, особенно его увлекала историческая тематика. Одним из самых известных опубликованных им исследований стала биография такой небезызвестной исторической личности, как Лукреция Борджа; в этой книге он развенчал, казалось бы, прочно утвердившиеся в народном сознании легенды, приписывающие этой женщине крайнюю распущенность и тяжкие преступления.

Литературное наследие Уильяма Гилберта обширно. И всё же слава сына затмила талант отца. Даже в англоязычных странах произведения последнего переиздаются редко: так, в XX веке было выпущено лишь одно-единственное издание «Чародея...» на английском языке. В нашей стране произведения Гилберта до сих пор не издавались ни разу. Вам, дорогие читатели, предстоит открыть для себя этого замечательного писателя.

Дм. И. Ермолович

*профессор, доктор филологических наук,
главный редактор серии «Сказки и фантазии английских писателей»*

Введение автора

ВЕСНОЙ тысяча восемьсот сорок... года мне представился случай побывать в гостях у близкого друга, основавшего несколько обширных шелковичных плантаций в деревне Понте на краю равнины Пьяно-д'Эрба в Брианце¹. Поскольку этот прекрасный уголок «европейского сада» мало знаком английским путешественникам, которые, за редкими исключениями, по прибытии в Италию сразу спешат на юг, уточню, что деревня находится в центре основания треугольника, образуемого с южной стороны горной дорогой, идущей из Комо в Лекко; две другие стороны этого треугольника сходятся на севере в Белладжо.

Трудно представить себе места с более восхитительными пейзажами. Мягкие волнистые силуэты холмов у южного подножия Альп, покрытых шелковицей и лозой, постепенно сменяются диким горным ландшафтом. Чтобы в полной мере насладиться местными видами, нужно отправиться в путь пешком, а миновав Понте, следовать вверх по течению бурной реки Ламбро до тех пор, пока она не превратится в мелкий горный ручеёк. На протяжении всех полутора месяцев пребывания там я не уставал от прогулок по местам, где с каждым поворотом дороги глазу открываются новые картины.

Может быть, приехав в Италию впервые, я подпал под её очарование сильнее других, но даже бывалый путешественник, выдавший всякие природные красоты, не остался бы равнодушен к такому обилию изумительных видов, какие открываются в окрестностях Комо.

Нередко в своих прогулках я задерживался до столь позднего часа, что мой друг начинал беспокоиться. Он просил меня впредь возвращаться в дом засветло: вечер в горах наступает так резко, что неместный житель

¹ Брианца — приальпийская область северной Италии, часть Ломбардии. — Здесь и далее примечания принадлежат редактору серии.

и оглянуться не успеет, как заблудится в темноте. Тропинки часто узки, и велик риск сорваться в пропасть. Отметив, что в здешнем краю бывали несчастные случаи, друг просил меня брать с собой проводника всякий раз, когда я не был уверен, что успею вернуться домой до наступления темноты. Хоть совет и был разумен, я, признаться, ему не следовал; роскошь побыть в одиночестве в столь прекрасных местах была бы серьёзно омрачена болтливостью какого-нибудь малограмотного крестьянина, местное наречие которого я не понял бы и на десятую долю.

Закатная пора была моим любимым временем. Я становился на возвышенную точку и с восторгом наблюдал за величественной игрой света и тени в ходе схватки между угасающим днём и надвигающейся ночью.

Однажды вечером я прогуливался гораздо дольше обычного и оказался в ещё не изведанном мною месте — в глубокой долине у подножия необычного вида горы, что лежит к востоку от Лекко и возвышается над полуостровом, образуемым двумя рукавами озера. Не помню, как эта гора называется, однако её отличают два диковинных выступа на вершине в форме недоразвитых рожков. Они составляют броскую примету местности, поскольку видны издали за много миль.

Оглядываясь кругом и решая, по какой тропинке идти дальше, я заметил на склоне этой горы — довольно высоко и на почтительном расстоянии — обширные развалины какой-то крепости. Мною овладело сильное желание осмотреть их. Несмотря на накопившуюся усталость, я с удвоенной энергией немедленно направился к ним. Постепенно долина сузилась, а руины исчезли из виду, но я продолжал путь, зная, что иду в верном направлении.

Вскоре я вышел к довольно большой деревне, где моё внимание привлёк живописный постоялый двор, обещавший, судя по внешнему виду, гораздо больше комфорта, чем гостиницы в похожих селениях. На открытой веранде, увитой виноградом, стояло несколько грубо сколоченных столов, за которыми сидели люди. Появление незнакомца возбудило в них немалое удивление, и они стали с большим любопытством меня рассматривать. Благородного вида священник, беседовавший с хозяином, шепнул ему что-то на ухо, после чего тот при моём приближении приподнял шляпу. Этот любезный жест повторили почти все присутствующие, в том числе и его преподобие.

Я ответил на любезность таким же приветствием, но прошёл мимо, не останавливаясь. Вскоре долина расширилась, и я с удовлетворением обнаружил, что выбранная мной дорожка ведёт как раз наверх к руинам, снова открывшимся моему взору. Путь к ним, однако, оказался длиннее, чем я предполагал, поскольку из-за особой прозрачности воздуха развалины казались стоящими ближе, чем это было на самом деле. Едва я дошёл до них, как начали сгущаться сумерки.

Вряд ли когда-либо прежде доводилось мне наблюдать столь роскошный закат, как в тот вечер. Зайдя за горы, солнце, казалось, целиком накрыло западные Альпы одной большой лиловой мантией, под которой они быстро темнели и скоро ушли бы в глухую черноту, если бы не мириады звёзд, зажигающихся по мере того, как угасал вечерний свет. Я был настолько поглощён этой картиной, что на время позабыл про завлёкшие меня сюда развалины, у основания которых я сидел.

Вспомнив наконец о цели своего похода, я оглянулся на сурово чернеющий надо мною массив каменных стен и принял решение осмотреть руины в другой раз. Я уже приготовился повернуть назад, как меня приковало к месту новое зрелище. Если какое-то время назад звёзды усеивали небо равномерно, то сейчас мне показалось, что на востоке многие из них потускнели или даже растворились в посветлевшем участке неба, который ширился над горами с той стороны озера, где находится Лекко. На его фоне резко выделялись изрезанные, фантастические вершины Резегоне — горы, что так ярко описана Мандзони в «Обручённых»¹.

Удивительное явление вскоре объяснилось, когда на полнеба простёрлись лучи восходящей луны, заставив погаснуть звёзды — за исключением некоторых особо ярких, хотя и их свет ослабел. Вот и сама луна поднялась со своего горного ложа во всей первозданной чистоте и величии. С её появлением пейзаж чудесным образом преобразился. Всё теперь оказалось залито либо чистым тихим светом, либо глубокой чёрной тенью. Само озеро предстало огромным серебряным зеркалом в обрамлении гор. Всюду воцарилось неземное — лучше, может быть, сказать: небесное — спокойствие. На какое-то время оно захватило меня полностью, и я, будто замороженный, провёл на одном месте более часа.

¹ Произведение Алессандро Мандзони «Обручённые» (1827) о событиях XVII века в Ломбардии — первый в Италии исторический роман, вершина литературы итальянского романтизма.

Затем мой разум вернулся к действительности, и я снова засобирился в обратный путь. Однако взгляд остановился на стенах близстоящего строения, и я решил хоть на минутку войти в него. Найти вход оказалось непросто, ибо его скрывала чёрная тень. Наконец мне это удалось, но я так и не смог удовлетворить своё любопытство, поскольку более трёх четвертей помещения были погружены в непроглядный мрак. Мне стало ясно только то, что руины обширны, что значительная их часть поросла дикими кустарниками и что по средневековым меркам это была основательная крепость, имевшая серьёзное военное значение. Я покинул развалины с твёрдым намерением посетить их в будущем снова.

При лунном свете я некоторое время спускался по тропинке с гор без особых трудностей, хоть и испытывал жуткую усталость. Только теперь я прикинул в уме расстояние до Понте, которое мне предстояло преодолеть, и испытал, признаюсь, немалую тревогу: как бы силы не оставили меня прежде, чем я добреду до дома своего друга. Ничего иного, однако, не оставалось, и я упорно шёл вперёд. Но вскоре столкнулся с трудностями, о которых не подумал при восхождении. С продвижением по долине расстояние между холмами сужалось, и пролётшие по ней тени погрузили её в непроглядный мрак. Правый край узкой тропинки обрывался в глубокую расселину, по дну которой протекал бурлящий ручей; над левым же краем тропы почти отвесно поднимались высоченные скалы.

Нужно было идти с величайшей осторожностью, из-за чего пришлось сильно замедлить шаг. В конце концов долина сузилась так, что больше мили я шёл почти в непроницаемой тьме и воспрял духом лишь тогда, когда впереди забрезжил свет из окон домишки у водяной мельницы, мимо которого я проходил при подъёме в гору. Теперь я уже достаточно ясно представил себе, где нахожусь, и понял, что отсюда совсем недалеко до постоялого двора. Поэтому я устоял от соблазна попросить помощи в домишке и продолжил путь. Вскоре показались другие дома и наконец гостиница. Из двери и окон первого этажа лился яркий свет, свидетельствующий о том, что хозяева и постояльцы ещё не отошли ко сну. Мгновенно забыв об усталости, я заспешил к строению и, войдя внутрь, обнаружил там хозяина, его жену и того же священника, которого видел днём: они беседовали, сидя за столом. Моё появление было встречено с удивлением и радостью.

— Добро пожаловать, — воскликнул священник, — добро пожаловать! По правде говоря, мы уже начали беспокоиться, не заблудились ли вы и не случилось ли с вами какой беды.

Я поблагодарил за участие и осведомился, нельзя ли тут нанять проводника до Понте, поскольку дорога плохо мне знакома. Священник перевёл хозяину мои слова на местное наречие, мало похожее на итальянский язык. Ответа последнего я не понял, а священник сказал:

— Хозяин говорит, что в такой поздний час найти проводника невозможно. Кроме того, вы не дойдёте туда раньше утра, даже если отправитесь в путь немедленно, поскольку нужно преодолеть расстояние в добрых десять миль, а вид у вас и без того усталый. Послушайте моего совета: переночуйте здесь. У моего друга Джакомо, нашего хозяина, найдётся для вас отличная кровать, и, кроме того, он великолепно стряпает. Завтра рано утром вы сможете двинуться в дорогу, когда вам будет угодно. Уверен, ваш друг синьор Р. не рассчитывает, что вы вернётесь сегодня же.

— Так вы меня знаете? — удивился я.

— Я видел вас, когда вы приехали в Понте, — я викарий* тамошнего прихода. Но на другой день после вашего прибытия мне пришлось перебраться на несколько недель сюда — совершать богослужения в местной церкви: здесь внезапно умер священник, мой близкий друг, который к тому же назначил меня своим душеприказчиком. Советую вам тут переночевать, я отчасти исхожу из эгоистических побуждений. Завтра прибывает назначенный в эту деревню новый священник, и мне можно будет возвращаться в свой приход; так что если вы останетесь до утра, то я, с вашего позволения, буду рад составить вам компанию в дороге.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, — сказал я, — и, пожалуйста, попросите хозяина приготовить мне постель прямо сейчас. Я так устал, что об ужине не могу и думать.

Побеседовав ещё немного (не без затруднений, ибо, хотя я прекрасно понимаю итальянский, мой навык поддержания беседы на этом языке невелик), я пожелал ему спокойной ночи и, добравшись до кровати, тут же забылся сном.

На следующий день я проснулся поздно и, выйдя из комнаты, обнаружил, что на столике на веранде для меня уже накрыт завтрак. Хозяин

* Звёздочкой здесь и далее обозначены (при первом употреблении) реалии, термины, старинные и редкие слова, значение которых поясняется в словарице на с. 296.

услужливо подавал еду и настойчиво пытался со мной разговаривать, что меня несколько раздражало, потому что в его речи я понимал едва ли одно слово из десяти. Просить его замолчать было бы бесполезно — я вряд ли сумел бы изложить подобную просьбу на местном диалекте, так что пришлось смиренно выслушивать его болтовню.

Поев, рассчитавшись и попрощавшись с хозяином, я стал прогуливаться по ближайшим окрестностям гостиницы. Посетил я и водяную мельницу, откуда открывался превосходный вид на развалины замка. Чем дальше я на них смотрел, тем сильнее меня разбирало любопытство к его истории, и я решил по дороге в Понте расспросить о ней священника. Только я про это подумал, как кто-то тронул меня за плечо. Обернувшись, я увидел перед собой его преподобие: будучи слишком погружён в свои размышления, я и не заметил, как он приблизился. Держа в одной руке посох, а в другой — узелок, он был в полной готовности к дороге.

— Прибыл мой преемник, — сообщил викарий, — и я передал ему дела прихода. Так что, как только будете готовы, мы двинемся в Понте, если только вы не желаете посетить ещё какие-нибудь окрестные места. Хотя и в этом случае, с вашего позволения, я с удовольствием буду сопровождать вас.

— Я вполне готов, — ответил я. — Возможно, я приду сюда и в другой раз, но теперь мне пора возвращаться домой: боюсь, мой друг уже сильно волнуется за меня.

Мы тронулись в путь. Мой попутчик оказался чрезвычайно умным и тактичным собеседником, но мне было сложно с ним общаться: я прекрасно его понимал, однако из-за недостатка практики изъяснялся на итальянском с трудом. Наконец я спросил, не говорит ли он по-французски, поскольку этим языком я владею свободнее.

— С удовольствием перейду на французский, — ответил он на хорошем французском языке, — но отчего же вы не хотите беседовать по-итальянски? Вы владеете итальянским превосходно.

Я искренне понадеялся про себя, что он припомнит эту ложь, когда будет в следующий раз исповедаться, и получит за неё заслуженно строгую епитимью. Однако поблагодарил за комплимент, приписав его добросердечному желанию викария поощрить меня.

— Давно ли вы в Италии? — спросил он.

— Совсем недавно, и, не считая городов Турина и Милана, а также окрестностей озера Комо, я почти не видел страны.

— Не правда ли, озеро и прилегающая местность восхитительны?

— В высшей степени. Я и не представлял себе, что на земном шаре есть такие благодатные места.

— Очень рад это слышать, хотя ваши слова несколько меня не удивляют. Я прожил здесь более четверти века и, конечно, привык к местным пейзажам; однако смею вас заверить, что и сейчас они мне представляются столь же прекрасными, как и в первый день после прибытия сюда. На каждом повороте взгляду открывается какая-нибудь новая достопримечательность.

— Но, как ни прекрасны здешние виды днём, — заметил я, — они не менее роскошны ночью. Вчера вечером я наблюдал великолепнейший закат солнца, а затем и восход луны. Картина меня совершенно околдовала, я забыл и о времени, и о том, как далеко я оказался от дома.

— Для меня всегда огромное удовольствие наблюдать за восходом полной луны над Резегоне, — ответил мой спутник. — Хорошо ли вам вчера была видна эта гора?

— Превосходно! — отозвался я. — В те часы я стоял возле старого замка, и ничто не мешало мне её созерцать.

— Трудно найти лучшее место. Однако ваши слова говорят о том, что вы либо слишком смелы, либо не знакомы с местностью, — сказал священник с шуточной тревогой в голосе.

— Отчего же?

— Оттого что это место пользуется весьма дурной репутацией. Могу вас заверить, что вряд вы ли нашли бы себе спутника среди местных крестьян.

— Не знал, что в этих краях водятся разбойники, — сказал я. — Я часто слышал от друга, что здешние крестьяне — удивительно порядочный народ.

— Ваш друг несколько не погрешил против истины. Более честных крестьян не найдёшь и во всей Европе, но я намекал не на разбойников. Про старые руины давно ходят мрачные слухи о том, что их посещает призрак некоего некроманта*, жившего здесь, говорят, в конце четырнадцатого — начале пятнадцатого века. Должен, правда, признаться, что я ни разу не встречал никого, кто бы видел этот призрак, и часто пользуюсь

этим доводом, когда пытаюсь убедить неграмотных крестьян в нелепости данного суеверия. Однажды я беседовал с самым смышлёным среди них и спросил, видел ли он — человек, всю жизнь здесь проживший, а ныне уже старик — это привидение. «Ни разу», — ответил крестьянин. «А видел ли его твой отец, который тоже жил в этом доме?» — «Не видел, но он всё равно был уверен, что в развалинах обитает привидение». — «С чего же он это взял?» — «С того, что никто из местных и близко к ним не подходил после наступления темноты: люди боялись столкнуться с призраком. В том-то и есть доказательство, что он существует на самом деле, — только неверующие могут это отрицать». Вот и попробуй переубеди такого логика — я махнул на него рукой, дав ему, кстати, повод похвалиться перед другими, что в этом споре он одержал надо мной победу.

— Но неужели об истории этих развалин ничего достоверно неизвестно?

— Ничего, — ответил священник. — Если молва и сохранила какие-то факты, заслуживающие хоть слабого доверия, они настолько перемешались с выдумками, что почти утратили значение. Мой бедный друг, покойный приходский священник, очень интересовался историей замка, но, боюсь, что его попытки пролить на неё свет только затуманили её.

— Каким же образом?

— Как вам сказать... Человек он был эксцентричный: порой трудно бывало понять, шутит он или говорит серьёзно. Он оставил обширные записи, посвящённые этим руинам и окутавшим их легендам, но последние настолько фантастичны и несуразны, что бросают сомнение даже на те детали, которые могли бы показаться историческими. Впрочем, часть повествования носит настолько приземлённый характер, что производит впечатление рассказа о реально произошедших когда-то событиях, однако многократно искажённого и утратившего всякую правдивость по мере того, как он передавался из поколения в поколение. А некоторые из записей, вполне возможно, — его собственные сочинения. На их достоверность лучше не полагаться.

— Отчего же вы думаете, что какие-то из них изначально основывались на фактах?

— Это очень трудный вопрос. Я могу лишь опираться на отдельные подробности в описании здания, которые придают рассказам правдоподобие. Думаю, первоначально автор намеревался восстановить реальную

историю замка. Но, обнаружив, что это невозможно, решил поразвлечься, сочинив и соединив в одной рукописи всякие выдумки.

— Заслуживают ли они чтения? — спросил я.

— С моей точки зрения, заслуживают, хотя я могу быть необъективен, потому что дружил с автором и уважал его за талант.

— Отчего же вы не опубликуете их?

— У меня когда-то было такое желание, но по зрелом размышлении я отказался от этой идеи. Во-первых, мне показалось мало совместимым с моим саном редактировать собрание фантастических сказок, тем более наводящих читателя на мысль, что астролог, якобы обитавший в этом замке в период описываемых событий, черпал своё могущество из сомнительных источников — таких, как силы тьмы.

— Но ведь в этих рассказах нет безнравственного или антирелигиозного содержания?

— Ни в коем случае, — ответил священник, — напротив, они все заключают в себе некую мораль. А слова «Итак по плодам их узнаете их»¹ в какой-то мере опровергают предположение о нечестивости их происхождения. И всё же священнику, пожалуй, не пристало публиковать книгу такого рода. К тому же в Италии, вероятно, возникли бы трудности с поиском издателя: итальянцы не в восторге от подобной прозы, и попытка её опубликования способна нанести ущерб моей репутации, которого я не могу себе позволить.

— А почему вы думаете, что ваши соотечественники были бы от неё не в восторге?

— Потому что она не соответствует их вкусам. Это произведение в духе той необузданной фантастической школы, которая, возможно, понравится читателям в Германии или в вашей стране, но вряд ли годится для нас, детей юга.

— Как вы полагаете, если я снова приду в эту деревню, смогу ли я получить разрешение на то, чтобы ознакомиться с рукописью?

— Вы можете с ней ознакомиться и даже изучить её, не прилагая таких усилий, — ответил священник. — Несколько дней назад я отправил её вместе с другими вещами к себе домой, а до моего дома от Понте — не более четверти часа ходьбы. Навестите меня в любой удобный для вас день, и я предоставлю вам все записки моего друга. Более того, поскольку

¹ Евангелие от Матфея 7: 20.

вы, кажется, интересуетесь литературой, они всецело к вашим услугам, если вы захотите их как-то использовать; можете делать из них какие угодно выписки.

Я тепло поблагодарил своего попутчика за любезное предложение и заверил его, что обязательно им воспользуюсь. Мы договорились, что я навещу его на следующее утро, чтобы изучить записки.

Мы продолжали наш путь в приятной беседе на разные темы, обсуждая в основном места, через которые проходили. Уже на склоне дня мы достигли Понте, где я застал своего друга в состоянии крайнего беспокойства. Я объяснил ему, почему вернулся так поздно, и рассказал о знакомстве со священником. Оказалось, что синьор Р. хорошо его знает.

— Он славный малый, — сказал мой друг, — истинный христианин и благодетель бедных. Все его любят, и никто не скажет о нём худого слова.

— Знал ли ты его друга — недавно скончавшегося священника?

— Знал, но шапочно, и то благодаря тому, что встречался с ним в компании нашего общего знакомого дона Джорджо. Он, насколько я знаю, был весьма учёным человеком и страстным собирателем древностей, но в то же время большим чудаком. Уверен, что среди его бумаг ты найдёшь весьма любопытные документы.

— А знаешь ты что-нибудь про старый замок? — спросил я.

— Могу сказать только то, что я бывал там раз или два. По всей видимости, это была крепость, построенная в феодальные времена, но всякие сведения о том, зачем её возвели, полностью утрачены. В окрестностях Комо и Брешии таких крепостей несколько, но заслуживающих доверия записей о них не осталось, одни лишь невнятные легенды. Про ту, которую видел ты, рассказывают, что в ней обитала некая загадочная личность по прозвищу Инноминато. Не исключено, что такой человек и правда существовал; по слухам, ему принадлежал ещё один замок где-то в горах к северу от Бергамо. Впрочем, и эта легенда противоречива, поскольку хозяин второго замка наводил ужас своей кровожадностью, тогда как тот, что проживал поблизости от нас, завоевал, говорят, большую любовь окрестных жителей.

На следующий день я навестил священника, который принял меня с большим радушием. После короткой беседы на разные темы он положил передо мной записки своего покойного друга, и мы углубились в их изучение. Поначалу эти записки показались мне бессвязными и беспорядоч-

ными, но вскоре я понял, что это собрание легенд, так или иначе связанных с замком. Все легенды были совершенно фантастическими, а те из них, что не казались авторским сочинением, были явно основаны на местном фольклоре.

Многие из этих историй не только любопытны, но и в высшей степени занимательны, несмотря на своё неправдоподобие. Труднее всего оказалось разобрать записки на нескольких разрозненных листках, явно предназначавшиеся для начальной главы. Как я ни старался расшифровать их и разместить в каком-то порядке, это оказалось невозможной задачей — настолько они были неразборчивы и путаны. Я смог, однако, понять из них, что Инноминато был астрологом, прославившимся способностями к магии, и что жил он в строгом уединении в замке, где всю его челядь составляли три или четыре прислужника да привратник. Хотя его совета и помощи искали, судя по всему, многие люди из самых разных сословий, лишь избранным дозволялось провести ночь в стенах замка. В то же время он ни в коем случае не пренебрегал законами гостеприимства, поскольку выстроил для посетителей просторную гостиницу, от которой до замка было около трети мили. Все желающие быть принятыми должны были остановиться в ней и ждать, пока слуга не доложит Инноминато их имена и цель посещения. После приёма их провожали обратно в гостиницу, где, как правило, щедро угощали. От этой гостиницы ныне не осталось и следа. Впрочем, располагалась она, судя по всему, где-то возле нынешней дороги на виду у привратника, стоявшего при входе в замок. О том, из каких краёв был родом Инноминато, сведений не сохранилось.

Следует добавить, что священник умер, так и не закончив, по всей видимости, свою работу: его последний рассказ — без сомнения, один из самых интересных — остался незавершённым. Из многочисленных легенд, мне предоставленных, я отобрал несколько для опубликования и сейчас предлагаю их вниманию читателя...

